

И ЖИЗНЬ, И СЛЕЗЫ, И ЛЮБОВЬ...

Как трудно и больно писать в прошедшем времени об Андрее Владимировиче Брушлинском, о жизнерадостном Андрее, о милом Андрюше – о крупном ученом, который трагически ушел из жизни в период акме, своего творческого взлета.

Писать об Андрее Владимировиче – значит писать о разных сторонах его многогранной жизнедеятельности, примечательных моментах его жизненного пути, о биографических эпизодах, в которых проявлялся его характер, об отношении к своей профессии, коллегам, друзьям, к себе. Справедливы слова К. Юнга о том, что любой человек проходит свою жизнь не в одиночку, а в толпе движущихся с ним людей, которые, конечно, оказывают на него влияние, но важно определить, как сам индивид организует это влияние, отвечает на него, и насколько сам воздействует на окружающих. Но не была бы я психологом – если бы не задавала себе вопроса, а как же менялся Андрей Владимирович на разных этапах своей жизни, переходя во все более обширные системы социально-психологических связей, занимая все более высокое положение в обществе, проходя путь от студента-психолога до поста директора Института психологии РАН.

Я познакомилась с Андреем Владимировичем в 1956 г., в добрый период развития нашего общества, всех сторон его социальной жизни, психологической науки, в частности. Весной этого года мне позвонил член-корр. АН СССР С.Л. Рубинштейн, под руководством которого я выполняла и защитила кандидатскую диссертацию на кафедре психологии философского факультета МГУ и стала работать в Институте общей и педагогической психологии РСФСР. Он сообщил мне, что в Институте философии заново формируется сектор психологии, возглавлять который поручено Сергею Леонидовичу, и он приглашает меня в свое подразделение. Чтобы понять, насколько радостным и ошеломляющим было для меня это приглашение, нужно вернуться к событиям конца 40-х гг. XX столетия. В это время Сергей Леонидович заведовал сектором психологии Института философии АН СССР, кафедрой психологии философского факультета МГУ. Он получил Государственную премию за свой фундаментальный труд «Основы общей психологии» (1946 г.) и стал первым членом-корреспондентом по психологии АН СССР.

В 1948 г. я поступила в аспирантуру кафедры психологии философского факультета МГУ. И вот зимой 1948–1949 гг. состоялась сессия Академии педагогических наук РСФСР, посвященная борьбе с космополитизмом в науке, на которой Сергей Леонидович вместе с другими крупнейшими учеными был объявлен «космополитом». «Космополитизм» Сергея Леонидовича заключался в прекрасном владении им всех достижений мировой психологии; благодаря своему высшему философскому образованию он пользовался большим авторитетом в Институте философии и на философском факультете МГУ. Конечно, Сергей Леонидович понимал социальную обусловленность этого трагического события, но переживал брошенные в его адрес обвинения тяжело и осознавал, что последствия их могут быть очень тяжелыми. Конечно, Сергея Леонидовича лишили всех званий и наград, сняли с занимаемых постов, лишь разрешили преподавать психологию на философском факультете МГУ и работать простым сотрудником в Институте философии АН СССР. Должна признаться, что я опасалась: не сократят ли мой учитель в своих лекциях объем зарубежной психологии и своих нетривиальных философско-методических оснований. Но Сергей Леонидович был личностью, которая обладала способностью подниматься над преходящими условиями жизни во имя высоких научных идеалов. На своих лекциях и семинарах он прививал ученикам вкус к философии и методологии науки, к критическому анализу любых – и зарубежных, и отечественных теорий. Если студент или аспирант высказывал определенную идею, Сергей Леонидович требовал ее обоснования, он не просто знакомил свою аудиторию с накопленными в психологии фактами и теориями, – он учил осмысливать их, выделять сильные и слабые стороны и самим вырабатывать свои убеждения. И вот, когда в 1956 г. перед ученым открылись новые благоприятные перспективы, у него уже были подготовлены молодые научные кадры, которым Сергей Леонидович преподавал вместе с профессией школу мужества и стойкости в труднейших условиях.

Помню июльский день 1956 г., когда в широком полутемном коридоре Института философии я увидела две незнакомые мне фигуры, оказавшиеся молодыми сотрудниками сектора психологии. Первым бросился в глаза молодой, стройный человек с выпуклым лбом и чуть откинутой назад головой. Это был Андрюша Брушлинский. А ря-

дом с ним стояла высокая худенькая черноволосая девушка с характерно приподнятыми плечиками — Ксюша Славская. Первое впечатление от знакомства с ними было такое: «Какие интеллигентные и воспитанные молодые люди. Это то, что называют “домашние дети”. Не слишком ли они деликатны для столь разношерстной толпы “философов”». Но новички быстро сориентировались в обстановке и установили прочные связи с крупными, оригинальными философами — Э. Ильенковым, В. Лекторским, В. Садовским, А. Зиновьевым и другими.

Но скажу откровенно, у меня надолго сохранилась некоторая боязнь за Андрея. Мне он казался слишком деликатным, в чем-то хрупким перед лицом жестокой и грубой жизни. Когда через несколько лет военкомат его вызвал на военную переподготовку, я очень переживала за него, пока кто-то не сказал мне: “Да что с ним сделается, он же здоровый, крепкий, даже альпинизмом занимался”.

С первых же дней открытия сектора у нас началась напряженная и интересная работа. Я знала, что в свои трудные годы Сергей Леонидович разрабатывал новую концепцию мышления, направленную на исследование многомерного *процесса* мышления, выделения в нем основных составляющих — анализирования, синтезирования, генерализации, обобщения и выявления главного механизма их взаимодействия — анализа через синтез. В это время он творчески переосмысливал работы гештальтпсихологов — труд М. Вертхаймера “Продуктивное мышление”, работы К. Дункера. Его основная критика была направлена на бессубъектный подход гештальтистов к мышлению. В 1951–1952 гг. он поручил мне прочесть на психологическом отделении философского факультета несколько лекций по гештальтпсихологии. В 1957 г. Сергей Леонидович организовал Всесоюзное совещание по вопросам психологии познания, в котором участвовали многие ведущие российские психологи. Результаты дальнейшей работы над проблемой мышления были представлены в тематическом сборнике учеников Сергея Леонидовича “Процесс мышления и закономерности анализа, синтеза и обобщения” (1960). Андрей и Ксана выполняли самую интенсивную научно-организационную деятельность при подготовке — совещались по редактированию материалов и статей сборников. Их собственные доклады и статьи вызвали большой интерес в научных кругах. Я знала, что в первую половину 50-х гг. Сергей Леонидович работал над новыми своими книгами, но неожиданностью для меня оказалось, что эти книги к началу работы нового сектора были уже в значительной степени завершены*. Сергей Леонидович поручил Анд-

рею и Ксане тщательным образом прочитать их, высказать все свои замечания, откорректировать. Для меня содержание книг было во многом новым, но Андрей и Ксана благодаря лекциям Сергея Леонидовича были более подготовлены к их восприятию. Сергей Леонидович охотно прислушивался к их пожеланиям и вносил в тексты изменения.

Однажды при разговоре о книгах Сергей Леонидович спросил у меня, как я отношусь к названию книги “Бытие и сознание”. Я долго думала, а потом сказала: “У Вас в книге речь идет о человеке как субъекте, который тоже есть форма бытия, и этот субъект осознает и другие формы бытия, и себя самого”. Сергей Леонидович недовольно посмотрел на меня, зашагал по кабинету и сказал: “А вот Андрею это название не нравится”. И, помолчав, добавил: “У него весьма критический ум”. На протяжении нескольких десятков лет я убеждалась, что критичность, действительно, одна из основных характеристик Андрея Владимировича, она была свойством его личности, но носила всегда доброжелательный характер и была тесно связана с его пронизательностью. В процессе обсуждения наших отчетов, статей и книг Андрей Владимирович начинал свою речь с выявления продуктивных, интересных сторон той или иной работы, и акцентировал именно их. Поэтому негативные замечания автор воспринимал спокойно, не теряя веры в себя.

Весьма критично и взыскательно относился Андрей Владимирович и к себе, своим работам. Его доклады на Ученых советах, на конференциях и съездах были очень четкими, доказательными, логически хорошо выстроенными. При этом он быстро и убедительно отвечал на адресованные ему вопросы. Меня не раз удивляла его находчивость при ответах на трудные вопросы. Истоки этой находчивости открыл сам Андрей Владимирович. Однажды на узком заседании один докладчик долго раздумывал над каждым вопросом, а потом, подбирая слова, “конструировал” ответ. На корректное замечание Андрея Владимировича докладчик ответил: “Не все же обладают Вашей находчивостью”. На что Андрей Владимирович возразил: “Дело не в находчивости. Просто готовя выступление, нужно его всесторонне продумать и заранее предвидеть все возможные вопросы и возражения”. В другой раз, наблюдая, как спокойно Андрей Владимирович ожидает вопросов на любом научном форуме, один из сотрудников сектора спросил у него: “А Вы что, совсем не боитесь вопросов?”. Ответ Андрея только подтвердил вышесказанное: “Конечно, не боюсь. Наоборот, мне очень интересно, какие же вопросы я не сумел предвидеть”.

Но вот настал горестный для всех нас и для психологической науки день в 1960 г. На пороге

* Речь идет о книгах “Бытие и сознание” и “Принципы и пути развития психологии”.

своего 70-летия неожиданно ушел из жизни Сергей Леонидович Рубинштейн. Переживания наши были очень тяжелыми. Свою задачу мы видели в развитии концептуальных оснований рубинштейновской школы, в сопоставлении его теории мышления с существующими в XX столетии крупными концепциями психологии мысли; необходимо было также изучить основанные на психотерапевтической практике теории личности. Главное же — ознакомиться и сделать достоянием общественности те материалы, над которыми работал Сергей Леонидович перед своей кончиной. Незадолго до этого он составил план-проспект книг, посвященных изучению состояния психологии мышления в отечественной и зарубежной психологии. Е.В. Шорохова, которой было поручено руководить сектором, проделала большую работу по организации коллектива для выполнения этого задания. Андрей Владимирович направил свои усилия также на разработку *принципа процессуальности* психики, выдвинутого Сергеем Леонидовичем в книге “Бытие и сознание”. Его работы становились все более полемически заостренными в ходе разработки таких важных методологических проблем, как соотношение биологического и социального в развитии психики человека; природы способностей; толкования процесса интериоризации, и других. Ксения Александровна обнаружила в бумагах Сергея Леонидовича объемистую, незавершенную и лишь частично систематизированную рукопись под названием “Человек и мир”. Расшифровав и упорядочив листы, она доложила на заседании сектора об этом новом этапе научного творчества Сергея Леонидовича.

Сектор принял решение опубликовать эту выдающуюся рукопись. Несмотря на большие издательские трудности, она вышла как значительная часть посмертно изданной в 1973 г. книги Рубинштейна “Проблемы общей психологии”. Андрей Владимирович и Ксения Александровна приложили много труда по ее редактированию и написанию огромного количества примечаний, которые могли бы быть изданы отдельной книгой; составили предисловие.

В научной деятельности акценты этих двух выдающихся учеников Сергея Леонидовича несколько разошлись. Ксения Александровна начала разработку *принципа субъекта* (сначала субъекта психической деятельности, затем жизненного пути). Андрей Владимирович распространил принцип процессуальности на различные формы психических процессов — на воображение и память, но вскоре в его эмпирических исследованиях четко выявилась роль субъектно-личностных детерминант психических процессов.

В 1972 г. сектор психологии в полном составе перешел в Институт психологии, впервые органи-

зованный в системе АН СССР. Одним из главных основателей института был Б.Ф. Ломов, ставший его директором. В качестве методологического основания проводимых в Институте исследований и его организационного принципа Ломов постулировал системный подход, который внес в психологию много новых проблем — системобразующего фактора психической организации, ее различных уровней и взаимодействий между ними, условия смены оснований личностной системы и многие другие. Однако при этом текучесть, непрерывная изменчивость психической реальности, ее способность к постоянному развитию уходили из центра внимания. Системный подход многими отождествлялся со структурным подходом. Недаром Д.Н. Завалишина в одной из своих последних работ обозначила методологическую парадигму психологии как “Системный подход + принцип развития”. Ориентируясь на процессуальную природу психического, Андрей Владимирович с энтузиазмом продолжал утверждать и развивать рубинштейновские основания психологии. Он пишет полемически заостренную книгу, посвященную критике культурно-исторической концепции Л.С. Выготского и его последователей с позиций школы С.Л. Рубинштейна. И эта книга, и последующие выступления Андрея Владимировича вызвали негативную реакцию его оппонентов. Его ответ был таков: “Я знаю, что приобрел очень сильных врагов, но я хочу получить от них ответ. Науке нужны дискуссии. Пусть мне разъяснят, в чем я ошибаюсь”. Может создаться впечатление, что А.В. был жестким, непреклонным во всем. Это не так. Он просто высоко ценил наличие научных школ и считал, что рамки школы позволяют сделать содержание идеи более четким и не дают уйти психологическим проблемам в беспредельность, в бесплодные ответвления и тупики. Бывало, когда сам Андрей Владимирович вводил в психологию какое-нибудь новое, непривычное понятие, детально изучая психологические процессы, он обнаруживал, что их своеобразие не передается такими понятиями, как “поток сознания” или “непрерывное движение тесно связанных звеньев”. Его аспиранты показали, что повороты направлений мысли, критические моменты, частичные инсайты подготавливаются в своем новом качестве в предыдущих “волнах” мышления. В своей докторской диссертации Андрей Владимирович ввел новый термин для обозначения непрерывности потока качественных изменений мышления (и других психических процессов) — “недизъюнктивность”. И несмотря на возражения его оппонентов-философов, Андрей Владимирович сохранил это понятие в арсенале понятий психологии, передав его и аспирантам.

Важно отметить, что непримиримо выступая против позиций и концепций своих оппонентов, он никогда не питал к ним самим недружелюбных

чувств. Он продолжал уважать их. Он рос в высокоморальном семействе и был добросердечным человеком. Если сотрудник института терпел неудачу в своих научных изысканиях, Андрей Владимирович всегда ободрял его и старался поддерживать его чувство достоинства, веру в себя. У меня был трудный период в жизни: долго и тяжело болел отец, и Андрей Владимирович постоянно поддерживал меня. Когда отца не стало, у меня было ощущение, что вся жизнь моя кончилась, что я уже не смогу вернуться в науку. И в эту тяжелую минуту мне позвонил Андрей Владимирович, выразил сочувствие и сказал поразившую меня фразу: "Держитесь, крепитесь, Людмила Ивановна, мы с нетерпением ждем Ваших новых статей и книг". В этой фразе звучала не только дружеская поддержка и соболезнование, но и моя потребность для психологии или, как сейчас говорят, "востребованность". И это отношение было для меня большой поддержкой. Говоря о человеколюбии Андрея Владимировича, следует подчеркнуть, что оно отнюдь не выражалось во всепрощении и, тем более, в попустительстве. Он не терпел лицемеров, обмана, лукавства, вызывающего и демонстративного нежелания подчиняться обязательным нормам поведения. В нашем институте таких сотрудников было крайне мало, и чуть ниже я расскажу, как Андрей Владимирович защищал коллектив от таких людей.

Коллектив института глубоко уважал Андрея Владимировича за огромную эрудицию, благородство, проявлявшееся даже в мелочах. В его присутствии психологи чувствовали себя достойными, ответственными, не стесненными в своих мыслях и высказываниях. Он был высоко авторитетен. И вот однажды, когда после заседания сектора я попросила остаться Я.А.Пономарева и Андрея Владимировича, чтобы скорректировать годовой план, Яков Александрович со свойственным ему темпераментом начал вносить дополнительные замечания и уточнения. Андрей Владимирович все спокойно выслушал, а потом очень кратко и обобщенно сформулировал основные пункты плана. После этого Яков Александрович, метнув острый взгляд на Андрея Владимировича, вдруг выпалил: «Я Алексею Матюшкину предрек, что он будет директором института, и он стал им, и Василию Давыдову сказал: "Ты будешь директором" – и вот он директор. А теперь я тебе скажу: "Быть тебе директором! Попомни мои слова. Я не ошибаюсь"». Ни один мускул не дрогнул на лице Андрея Владимировича. Вежливо выслушав Якова Александровича, он вернулся к теме обсуждения. Вскоре после этого разговора у нас в институте случилась беда – неожиданно скончался наш директор Б.Ф. Ломов. Институту предстояло выбрать нового директора. На этот пост было два претендента – А.В. Брушлинский и Ю.М. Забродин. Коллектив должен был заслу-

шать их доклады об основных направлениях работы института. Обсуждение докладов было очень горячим, сотрудники задавали много каверзных вопросов. Андрей Владимирович был непривычно возбужден и, мне показалось, взволнован. В перерыве собрания некоторые сотрудники, явно недооценивая выносливость и бойцовые качества Андрея Владимировича, советовали ему прекратить дискуссию со вторым претендентом и возложить надежды на результаты голосования. Но Андрей Владимирович, любивший доводить до конца всякое дело, отвечал: "Нет, я уже втянулся в борьбу и должен ответить на адресованные мне вопросы". Большинство коллектива проголосовало за Андрея Владимировича. На должность директора Андрей Владимирович попал в очень тяжелое время. В высших кругах власти вынашивалась идея закрыть Институт психологии РАН и даже распустить Российскую академию наук. В.Н. Дружинин как-то рассказал мне, что только благодаря огромным усилиям Андрея Владимировича удалось-таки отстоять Институт психологии.

Руководство институтом требовало огромной энергии, такта, умения устанавливать плодотворные контакты со всей психологической общественностью, с представителями смежных наук, центрами зарубежной психологии. На Андрея Владимировича легло бремя быть ответственным редактором "Психологического журнала", рукописный вариант которого он самым внимательным образом прочитывал. Он продолжал читать лекции аспирантам института, почти каждый год выпускал новые книги, писал множество статей. И при этом его кабинет был постоянно открыт для сотрудников института. Он был прост и уважителен в отношениях с ними. Меня просто поражал неиссякаемый запас его энергии, огромная работоспособность.

Он был веселым и интересным собеседником. В предпраздничные дни его наперебой приглашали к себе, не соблюдая очередности, различные подразделения института. И везде он искренне веселился, произносил шутливые тосты, пока в комнату не заглядывал представитель другой лаборатории "с важным сообщением" и не уводил желанного гостя в другую комнату.

Но, разумеется, в институте были и такие казусы, которые приводили Андрея Владимировича в глубокое возмущение (его он проявлял в решительных действиях). Вот один пример. В институте был работник, не выполнявший ни просьб, ни приказов дирекции, не поддавался он и увещаниям, нарушал дисциплинарные и моральные нормы. Однажды от его непозволительного проступка пала тень на институт. И тогда я стала невольным свидетелем такой картины. В поиске Андрея Владимировича я заглянула в одну часто

пустую комнату. В ней в необычной позе сидел за столом Андрей Владимирович. Грудью он опирался на столешницу и, чуть пригнув голову, прищуренными глазами смотрел на сидевшего в некотором отдалении работника. Вытянутыми ногами тот как был отталкивался от стола, а скрещенные на груди руки и откинута голова явно выражали "позу защиты". Лицо было неестественно розовым, а губы искривлены. Я все поняла... Работник этот был вынужден покинуть институт.

Необычная работоспособность Андрея Владимировича, его продуктивность были результатом и его высокого чувства ответственности, и любви к профессии, и необходимого на таких постах честолюбия и хорошего здоровья. За всю свою профессиональную деятельность у него был лишь один бюллетень на несколько дней.

Сильнейшей мотивирующей силой у нашего молодого и стройного директора была его семья, его бесконечно любимая жена Тamarочка, Тамара Константиновна. В ранние годы работы с Андреем, приехав на один из Всесоюзных съездов Общества психологов СССР (город я не запомнила), я стояла в очереди на регистрацию. Впереди меня, уже приближаясь к месту регистрации, стоял Андрей. И вдруг он торопливо выбежал из очереди и со странно изменившимся лицом (такие лица бывают у мужчин при первой встрече со своим страстно желаемым первенцем) быстро подошел к красивой, чернобровый, с

большими спокойными глазами девушке и, поцеловав, стал ее целовать. Я была изумлена и спрашивалась у психологов, кто же эта девушка. А это была его жена – Тамара Мелешко, учившаяся с ним на факультете МГУ в одной группе. Мы с Е.А. Будиловой жили в одном большом номере гостиницы с Тамарой и немногими другими молодыми девушками. Встречаясь с ней каждый день и любясь матовой смуглостью ее красивого лица, я невольно задавалась вопросом, как удалось Андрюше победить, несомненно, большое число ее поклонников, чем он завоевал ее сердце? И я поняла – своей беспредельной преданностью, всепоглощающей любовью, благородством души и безусловной надежностью. Сама Тамара Константиновна сказала о нем: "Он мой рыцарь". На всех празднествах, в кругу друзей Андрей Владимирович с нежностью говорил о своей семье. А как ким счастливым он был, когда говорил о появлении всех трех своих внуков. И в каждом из них, как и в своей дочери Кате, он видел часть своей остающейся молодой и красивой Тamarочки.

Вот таким доброжелательным и требовательным, веселым и умеющим глубоко сопереживать общительным, энергичным, задорным и всегда готовым прийти на помощь, всемирно известным и необычно скромным будет жить с нами Андрей Владимирович.

Л.И. Анцыферова
доктор психол. наук, профессор, ИП РАН
Москва